

Сидя в процедурном кабинете, Ли Цинъюй едва соображал. Голова гудела, а мысли расплывались от высокого жара.

— Не жди меня, оставь машину и возвращайся.

— Передай остальным: завтрашнее совещание в девять утра переносится на час.

— Встречу со швейцарцами в два тридцать тоже отмени.

— Нельзя перенести? Если нельзя, пусть Чу Куан займётся. Всё, у меня дела, отключаюсь.

Вскоре дверь приоткрылась, и в кабинет вошёл Чэн Вэй.

Взглянув на Цинъюя, он мягко улыбнулся — весь его вид излучал доброжелательное спокойствие. Словно и не он только что отдавал за дверью жёсткие, не терпящие возражений приказания секретарю.

Закрепив иглу, медсестра направилась к выходу и на ходу бросила:

— Капельница рассчитана минут на сорок. Сопровождающие, посматривайте за флаконом, чтобы вовремя позвать на замену.

Слова «сопровождающие» и «родственники» резанули слух. Цинъюй уже собрался возразить, но Чэн Вэй опередил его, спокойно откликнувшись:

— Хорошо, я прослежу.

Чэн Вэй присел на соседнее кресло. Его телефон непрерывно вибрировал; нахмурившись, он быстро отстукивал ответы — судя по всему, рабочих дел скопилось невпроворот.

— Брат Чэн Вэй, я... — осторожно начал Цинъюй.

«Я и сам справлюсь, не нужно тратить время».

Однако фразу перебило внезапное прикосновение: прохладная ладонь легла ему на лоб.

— Как ты себя чувствуешь? Совсем плохо? — тихий, бархатистый голос прозвучал прямо над ухом.

Длинные, ухоженные пальцы Чэн Вэя хранили осеннюю свежесть. Едва они коснулись горячей

кожи, Цинъюй сладко замер — казалось, эта прохлада проникла в самую душу.

Виной тому идеальная совместимость их феромонов?

Стоило Чэн Вэю появиться рядом, как терзавшее от высокой температуры чувство тревожной невесомости мгновенно рассеялось, уступая место спокойствию и уверенности.

Если честно, глубоко внутри ему отчаянно хотелось, чтобы Чэн Вэй остался.

И не просто остался... В миг, когда их кожа соприкоснулась, долго сдерживаемый жаждущий порыв прорвал плотину, затопив всё его естество.

Ему нужно было больше этой благодатной прохлады.

Больше ласки.

Не удержавшись, Цинъюй тихо, едва слышно застонал.

Осознав, какой звук сорвался с губ, он испуганно дрогнул ресницами и распахнул глаза. Чэн Вэй уже стремительно отдёргнул руку.

Кончики ушей Цинъюя вспыхнули пунцовым цветом.

— Брат Чэн Вэй, я... — в панике попытался оправдаться он.

Смущение захлестнуло его с такой силой, что он не смел поднять взгляд, а потому упустил странное выражение, скользнувшее по лицу Чэн Вэя, и то, как судорожно сглотнул мужчина, подавляя внезапный порыв.

— Отчего вдруг поднялась температура? — голосом, далёким от обычного бесстрастия, спросил Чэн Вэй.

Цинъюй качнул головой:

— Не знаю.

Хотя на самом деле прекрасно понимал: дело либо в последствиях симбиоза, либо в побочном действии ингибиторов.

Но об этом Чэн Вэю знать никак нельзя.

Пришлось уклониться от прямого ответа:

— А ты? Почему оказался в больнице в такой поздний час?

Вопрос застал Чэн Вэя врасплох. Из-за того что найти своего симбионта так и не удалось, осложнения нарастали с каждым днём, выматывая и причиняя глухую боль. Однако делиться своими бедами с Цинъюем он не намеревался.

— Пустяки, лёгкое недомогание.

Цинъюй принялся нервно тереть край свитера, тихо пробормотав:

— Пустяки, значит...

Появвшись немного, он всё же не сдержал рвущийся наружу вопрос:

— Это из-за того Омеги... с которым у вас идеальная совместимость?

Чэн Вэй насупился; в его взгляде промелькнуло явное недовольство:

— Чэн Е рассказал?

Цинъюй промолчал, опустив глаза.

Чэн Вэй задумчиво окинул его нечитаемым взглядом.

— А сам Чэн Е почему не с тобой?

При упоминании кузена Чэн Вэя взгляд Цинъюя погас. Он прикусил губу:

— У него сегодня дела. В общежитии я остался один.

Тоска, вырвавшись наружу, сжала сердце.

Вдруг тёплая широкая ладонь накрыла его пальцы, без слов даря поддержку.

Цинъюй поднял глаза. Чэн Вэй сосредоточенно набирал сообщение в телефоне и, не поворачивая головы, произнёс мягко и уверенно:

— Всё в порядке. Сегодня я буду рядом.

Синие пластиковые кресла в больничном холле стояли на стандартном расстоянии — не слишком близко, но и не чересчур далеко.

Ледяной раствор из капельницы медленно сочился по венам, сбивая лихорадочный жар. Но Цинъюй явственно ощущал: из-за близости Чэн Вэя его кровь бурлила, а под кожей просыпался настойчивый, мучительный зуд, требовавший выхода.

Расстояние между сиденьями исключало случайные прикосновения, но стоило слегка наклониться — и их плечи соприкоснулись бы.

Так хотелось податься ближе... Дорогой сердцу образ притягивал к себе: хотелось ощутить ласку Чэн Вэя, вдохнуть его феромоны.

Один Бог ведает, каких усилий стоило Цинъюю, бредившему от жара, сохранить крупицу рассудка. Подавить сумасшедший порыв — не прижаться к Чэн Вэю, не уткнуться лицом в его грудь и не умолять:

«Пожалуйста, выдели немного феромонов, спаси меня, успокой...»

Один раз поддавшись этим снам наяву, остановить фантазию было уже невозможно.

Цинъюй горестно вздохнул: он болен, болен окончательно и бесповоротно.

Когда первый флакон подошёл к концу, Чэн Вэй поднялся, чтобы позвать медсестру.

Ощувив, как мгновенно исчезло обволакивающее тепло, Цинъюй инстинктивно вскинул руку и ухватился за край его пиджака.

Чэн Вэй удивлённо обернулся. Увидев его лихорадочный, беспомощный взгляд, он ласково погладил Цинъюя по голове:

— Я сейчас вернусь.

Обессиленный Цинъюй глухо, по-детски кивнул:

— Возвращайся скорее...

Эта нескрываемая, искренняя зависимость явно тронула Чэн Вэя — он лёгким движением поддел пальцем кончик его носа.

Свое обещание он сдержал: медсестра пришла почти сразу.

Цинъюя окончательно одолела дрема; он едва заметил, как сменили емкость с лекарством.

Всё его существо растворилось в тонком, еле уловимом аромате свежего бамбука после дождя, исходящем от Чэн Вэй.

Какой же дивный завлекающий запах...

Память унесла его в далёкое детство, в деревню к бабушке.

После каждого ливня молодые побеги бамбука пробивали землю с невероятной силой, и они с бабушкой ходили их выкапывать. Вся роща тогда насквозь пропитывалась этим чистым, терпким ароматом.

Веки слипались всё тяжелее; в конце концов Цинъюй сдался и смежил глаза. Бессознательно он склонился в сторону Чэн Вэй. Мало того что опустил голову ему на плечо, так ещё и несколько раз нежно прижался, выбирая удобное положение.

От этого неожиданного движения Чэн Вэй, с трудом отбивавшийся от лавины сообщений Чу Куана, замер. Повернув голову, он увидел тёмную макушку. Мягкие, шелковистые волосы касались его щеки, обдавая едва ощутимым пряным теплом.

Пальцы левой руки Чэн Вэй несколько раз сжались и разжались, пока он, будто приняв решение, бережно не обнял Цинъюя за плечи, удерживая от падения. Ощувив поддержку, Цинъюй сладко замурлыкал и сонной доверительностью уютно уткнулся ему в шею.

Чэн Вэй тихо, едва слышно рассмеялся.

Глубокой ночью шумная парочка, вошедшая в процедурный зал, растревожила чуткий сон Цинъюя.

Вскоре девушка с капельницей заснула на плече у своего спутника. Юноша сидел неподвижно, боясь потревожить её покой. Стоило её голове соскользнуть, как он бережно подхватывал её подбородок ладонью и возвращал на место.

Чэн Вэй заметил, что Цинъюй открыл глаза. Голос его от долгого бодрствования слегка осел:

— Неудобно?

С этими словами Чэн Вэй осторожно подставил ладонь под его щёку, бережно поправляя и

укладывая его голову обратно себе на плечо.

Цинъюй растерянно моргнул, и в голове его блеснула странная, смущающая мысль:

Как же сильно они сейчас напоминают эту влюблённую пару...

<http://bllate.org/book/20116/1991898>